

«И нача философъ глаголати сице...»

К 1030-летию учительного слова на Руси

Выход в свет книги Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла «Семь слов о Русском мире», конечно, никак не был приурочен, но тем не менее совпал с одной «некруглой», однако значимой для русской истории датой: в 986 году от Рождества Христова, то есть ровно 1030 лет назад, в русских землях впервые прозвучало учительное слово – знаменитая «Речь Философа». Эту речь, произнесенную греческим миссионером перед киевским князем Владимиром Святославичем, «Повесть временных лет» предваряет словами: «И нача философъ глаголати сице...» («И начал философ говорить так...»).

Учительная литература – один из древнейших жанров русской словесности, истоки которого восходят к Священному Писанию и творениям Отцов Церкви. Темы учительной литературы широки и разнообразны – научение истинам христианской веры и нормам нравственного поведения, обличение еретических учений и разнообразных человеческих пороков, но здесь же и наставления по политическому и социальному благоустройству общества, обращенные как к правителям, так и к простым мирянам. Главный смысл учительных сочинений вполне понятен – объяснить с христианских позиций противоречия окружающего мира и внутреннего мира самого человека, привить своему народу христианское миропонимание, а в итоге – открыть Истину и наставить на путь спасения. Вполне закономерно, что авторами учительных слов и в древности, и позднее чаще всего оказывались духовные лица – святители, настоятели монастырей, православные подвижники и старцы, священники.

В русской традиции сочинения учительной литературы создавались в форме «поучений», «посланий», «наказаний» (наставлений), «писем». Впрочем, «учительные смыслы» содержали произведения, написанные и в иных жанрах – летописи, жития, исторические и политические сочинения, а в позднейшие времена – и произведения художественной литературы (романы и повести, стихи), публицистика и т.д., причем авторами этих произведений выступали мирские люди – писатели, поэты, публицисты. Бывало так, что и церковные пастыри неожиданно оказывались в несвойственной им роли литераторов. Вспомним хотя бы поэтический диалог Александра Сергеевича Пушкина и митрополита Московского Филарета (Дроздова). В 1828 году Пушкин написал стихотворение, наполненное чувством безысходности и бессмысленности жизни:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Перевезенцев Сергей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: serp1380@yandex.ru

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Святитель Филарет, познакомившийся с этим пушкинским сочинением, решил напомнить поэту и о смысле жизни, и о высоком предназначении человека. Для своего ответа московский владыка избрал тоже стихотворную форму:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Пушкин поначалу иронически воспринял поэтический опус московского митрополита, но спустя некоторое время ответил святителю вполне серьезными и, главное, благодарными строками:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Но чаще всего учительные тексты именовали «словами». И это неслучайно. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» – говорится в Евангелии от Иоанна (Ин. 1:1). Давно известно, хотя, может быть, не всегда на это обращается внимание, что с древних времен первые переводчики Священного Писания на славянский язык святые равноапостольные Константин-Кирилл Философ и его брат Мефодий понятием «Слово» переводили знаменитое греческое понятие «Логос». А что такое Логос? В древнегреческом языке значение Логоса настолько многомерно! Это и собственно слово, и закон всемирного развития, и закон жизни отдельного человека. И, конечно же, некая Высшая Сила, управляющая миром, – Бог. Позднее, в трудах ранних христианских мыслителей, сам Логос отождествлялся с Сыном Божиим, Иисусом Христом, сошедшим на Землю для спасения человечества. Ибо Логосом-Словом спасал Господь грешный мир.

Но! Всю эту бесконечность значимости, которая скрывается в Логосе, славянский, а позднее уже собственно и русский язык, оказывается, передает тоже одним только понятием – «Слово». В Слове русский человек выражал волнующие его вопросы о сути мира. В Слове искал он ответы на свои вечные, «проклятые» вопросы. В Слове же ответы он и находил, потому что Слово само по себе – это уже истина, причем истина абсолютная, неопровержимая. А следовательно, для русского сознания, русского мировосприятия само Слово – это ВСЁ, чем живет человек, да и человечество. Да что там человечество – всё мироздание! Ибо – «И Слово было Бог. Оно было в начале у Бога» (Ин. 1:1–2).

В русской истории очень часто бывало так, что какое-то огромное, значимое дело, а то и свершение, обязательно начиналось со слова, потому что именно слово поясняло нашим предкам смыслы их движения по историческим дорогам, и тогда им становилось понятным, почему, как и зачем они вступают на определенный путь.

С учительного слова начался и величайший цивилизационный поворот в истории России, осуществленный в конце X века, – Крещение Руси. Вспомним, как об этом рассказывает «Повесть временных лет» в записи, размещенной под 986 годом¹: киевский князь Владимир, выбирая веру, встречался с представителями различных религий – иудеями, мусульманами, латинянами. Эти встречи продолжались до тех пор, пока не пришел к нему некий грек, который произнес перед князем речь о сущности православного вероучения. «Повесть временных лет» называет грека «философом», поэтому и его речь стали называть «Речью Философа».

По мнению современных исследователей, общий ход беседы грека-философа с киевским князем вполне соответствовал миссионерской практике Греческой церкви в IX–X веках. Показательно и именование грека «философом». В тогдашней Византии философами называли людей, имевших богословское образование или отличавшихся исключительными знаниями в богословских вопросах, недаром же это прозвание на веки вечные прикрепило к одному из славянских просветителей – Кириллу Философу. Следовательно, о христианской вере князю Владимиру повествовал человек, знающий, искренне верующий и обладающий несомненным талантом проповедника. Поэтому в ходе бе-

¹ Нужно иметь в виду, что дата «986 год» достаточно условна, как условно большинство дат «Повести временных лет» в рассказах о событиях конца IX–X веков, ведь многие из них были вставлены в летопись позднейшим летописцем искусственно.

седы христианские истины впервые по-настоящему запали в сердце киевского князя («Вълодимеръ же положи на сердци своем») и стали истоком будущего Крещения Руси, а значит, учительное слово грека-философа прямо повлияло на процессы развития всей последующей отечественной истории¹.

После Крещения Руси большая часть учительной литературы была предназначена прежде всего для разъяснения основ христианской веры, церковных обрядов и обычаев, сущности нравственного поведения, различиям православного и католического («латинского») вероучений, обличениям языческих пережитков, ересей и человеческих грехов. Христианская мудрость в первую очередь черпалась из древних истоков. Поэтому значительное число учительных текстов и в ранние, и в более поздние времена были переводами с греческого и болгарского языков: труды Отцов Церкви, сборники произведений, фрагментов произведений, афоризмов различных христианских писателей: Изборник 1073 года, Изборник 1076 года, «Златоструй», «Пчела», «Измарагд», «Златая цепь», «Златая матица», «Маргарит» и другие.

Но уже в XI–XII веках появляются учительные сочинения, написанные на Руси, их авторами выступали как греки (например, киевские митрополиты Георгий и Никифор), так и русские – новгородский епископ Лука Жидята, игумен Киево-Печерского монастыря преподобный Феодосий Печерский, святитель Кирилл Туровский. О значимости поучений и слов, созданных в этот период, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что они передавались из поколения в поколение многие столетия, ведь большинство таких сочинений дошли до нас только в поздних рукописях XIV–XVI веков. Причем нередко авторство сочинений устанавливается приблизительно, как, например, в случае с тремя «Почучениями простой чади»: два из них, посвященные обличению излишеств и языческих клятв, по традиции приписываются новгородскому игумену Моисею Новгородскому, третье, о вреде пьянства, – епископу Григорию Белгородскому, но были ли именно эти Моисей и Григорий авторами данных поучений, доподлинно неизвестно.

И в последующие столетия учительная литература создается русскими православными пастырями постоянно и целенаправленно, ибо забота о духовном и нравственном состоянии народа, поддержание сердечного огня веры – важнейшая задача Церкви. Не стоит забывать, что каждое поколение, даже в той, давней, православной России, должно было заново открывать для себя Христа. Ибо искренняя вера – не простое, традиционное следование обрядам, не привычка, приобретенная в семье. Искренняя, настоящая вера всяким человеком обретается в его личных духовных переживаниях, и даже давняя семейная привычка здесь не поможет. Духовная и, как следствие, и политическая мощь России во все века держались на том, что власть и Церковь создавали

¹ Уже намного позднее было установлено, что «Речь Философа» является целью вставкой в «Повесть временных лет». Возникла дискуссия о происхождении этого текста: кто-то считал, что «Речь» была составлена на Руси (Д.С. Лихачев), другие указывали на Болгарию (А.А. Шахматов), третьи находили западнославянские корни (Н.К. Никольский). Наконец, А.С. Львов показал, что в языке «Речи» сохраняются элементы моравского и болгарского языков, поэтому была предложена версия о том, что возникла она в IX веке в Великой Моравии, а на Русь попала через Болгарию [6]. Искусственное включение «Речи» в летописный текст породило сомнение в самом факте беседы грека-философа с киевским князем. Однако известный специалист по данной эпохе А.Ю. Карпов отмечает: «Искусственное включение «Речи Философа» в летопись, вовсе не означает, что весь рассказ о проповеди является простой выдумкой летописца. Составитель летописного сказания, вероятно, воспользовался готовым славянским сочинением, вложил его в уста греческого проповедника» [4, с. 179]. Кроме того, учитывая раннее происхождение текста «Речи» (IX век), мы вправе предположить, что Владимир Святославич мог быть знаком с его содержанием.

условия для того, чтобы каждое пришедшее в этот мир новое поколение, более того, каждый человек, родившийся в Русской державе, мог обрести Христа – лично обрести. Кстати, важнейшая обязанность русского правителя, государя состояла в том, чтобы дать возможность каждому подданному стать настоящим христианином. И не в том было дело, чтобы силой заставить ходить человека в храм, а нужно было предоставить возможность для личного выбора каждым человеком пути к духовному преображению, чего никакой силой не достигнешь, только любовью. И опасность утраты искренней веры существовала всегда, недаром же один из главных заветов, который давали русские князья и цари своим потомкам и наследникам, звучал однозначно: храните веру православную! И многие беды, обрушивавшиеся на нашу страну, были связаны с тем, что правители плохо исполняли эту свою обязанность. О чем свидетельствуют русские духовно-политические памятники, созданные в моменты политических кризисов. Главный их призыв, обращенный и к правителям, и к простому народу, заключался в одном: верните в свои души веру, обретите страх Божий, и Господь не оставит вас, и все опять наладится. Нам, сегодняшним, трудно поверить в действенность подобных рецептов, но ведь так и происходило – всё налаживалось, и Россия, совершив новое, очередное для себя открытие христианской истины, вновь обретала и политическую стабильность.

Так что пресловутая «природная» религиозность, «природная» нравственность русского народа есть результат многовекового и каждодневного труда, из поколения в поколение выпестованная потребность в духовном преображении, и из поколения в поколение предоставляемая возможность найти путь к духовному преображению. Вера – это и есть серьезный труд по духовному преобразению самого себя и окружающего тебя мира. Потому упования на некую «природную» религиозность и «природную» нравственность русского человека – из числа мифов о России. Да, сегодня у нашего народа есть понимание (может быть, интуитивное) того, что общество в целом пребывает в духовно-нравственном кризисе. Да, у нашего народа сегодня есть высокая потребность в исправлении этой кризисной ситуации, в духовном осмыслении своего бытия. Но для того чтобы эта потребность стала реальностью, нужно очень много потрудиться. И власти, и Церкви, и обществу, и каждому человеку. Так, как трудились наши предки.

Этот постоянный, на протяжении многих столетий, настойчивый и искренний труд по духовному возвращению современников и потомков одарил русскую словесность и русскую духовно-политическую мысль целой россыпью великих имен, создавших золотой фонд русской учительной литературы: архиепископ Серапион Владимирский (XIII век), преподобный Сергей Радонежский, святители Алексей Московский и Стефан Пермский (XIV век), преподобные Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий (XV век), святители, митрополиты Московские Макарийи Даниил, патриархи Иов и Гермоген (XVI–XVII века), святитель Тихон Задонский и преподобный Паисий Величковский (XVIII век), святители Иннокентий Херсонский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Филарет Московский, преподобный Амвросий Оптинский, праведный Иоанн Кронштадтский (XIX век), святители Патриарх Тихон и архиепископ Лука Крымский, Патриарх Алексей II (XX век) и многие-многие другие.

Однако в своих словах и поучениях духовные наставники нашего народа не останавливались на религиозных темах. Их пристальное внимание привлекала вся полнота жизни. Именно поэтому в учительных текстах настойчиво поднимались политические вопросы: об устройстве государства, о принципах управления, о сущности и методах власти. В древние времена, наверное, главным предметом обсуждения был образ правителя государства, князя, позднее царя. Уже в XI–XII веках в русской духовно-политической мысли, во многом бла-

годаря учительной литературе, утверждается христианская традиция, в соответствии с которой, всякий правитель – прежде всего христианский владыка, защитник веры и Церкви, «воин Христов», помогающий своему народу найти истинный путь к спасению и вечной жизни в Царствие Небесном. Эта традиция широко представлена в древнерусских сочинениях и в первую очередь в «Повести временных лет», где к записанным устным языческим легендам и преданиям летописец-христианин делает очень жесткие и нелюбезные для князей-язычников комментарии. Особенно это касается князя Святослава, который сознательно отказался исполнить просьбу своей матери княгини Ольги принять христианство. Летописец, подчеркивая, что Ольга, любя сына, не попрекала его, а только молилась за него, сам не может удержаться и вставляет в редактируемый им текст слова из Священного Писания, в знак осуждения князя за упрямство и в назидание потомкам: «Невернымъ бо вера крестьянская уродство есть» (1 Кор. 1:18); «Не смыслиша бо, ни разумеша въ тме ходящи» (Пс. 81:5), и не видеша славы Господня. «Одобелеша бо сердца ихъ, и ушима бо тяшко слышати, очима видети» (Ис. 6:10). Рече бо Соломонъ: «Дела нечестивыхъ далече отъ разумъ» (Притч. 13:20); «Понеже звахъ вы, и не послушасте, и прострохъ словеса, и не разуместе, но отместе моя светы и моихъ же обличений не внимасте» (Притч. 1:24–25); «Възненавидеша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати светъ, подражаху же моя обличения» (Притч. 1:29–30)... Аще кто матери не слушаетъ, в беду впадаетъ, якоже рече: «Аще кто отца или мать не слушаетъ, смертию да умретъ» (Лев. 20:9). Се же тому гневашеся на мать. Соломонъ бо рече: «Кажа злыя, приемлетъ себе досажение, обличая нечестиваго, поречетъ себе; обличения бо нечестивымъ мозолье имъ суть. Не обличай злыхъ, да не възненавидятъ тебе» (Притч. 9:7–8)» [12, с. 112].

Такое же христианское звучание приобретает под рукой летописца и сюжет, связанный с подвигом тмутороканского князя Мстислава Владимировича: в борьбе с Редедей Мстислав начинает проигрывать, но возносит молитву Богородице и дает обет построить в Тмуторокани церковь в Ее честь. Только после этого Мстислав чудесным образом одолевает касожского князя, а по возвращении из похода исполняет свой обет: «И пришедъшу к Тмутороканю и заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, я же стоить и до сего дни в Тмуторокане» [12, с. 188].

Так благодаря комментариям летописца обычные погодные записи о событиях («летопись») превращались в полноценное учительное слово. Наверное, подобное вмешательство в предшествующие летописные тексты может вызвать неудовольствие у придирчивого исследователя, но будем помнить, что эти комментарии были крайне необходимы и современникам, и потомкам, искавшим смысл своего существования в истории.

В XI–XII веках русские церковные мыслители разрабатывают учение о смысле деятельности и предназначении правителя православного государства (сочинения митрополита Киевского Илариона, Иакова-мниха, преподобного Феодосия Печерского, поучения митрополитов Киевских Георгия и Никифора, сочинения святителя Кирилла Туровского и др.). Во второй половине XII века было создано «Слово о князьях», неизвестный автор которого призывает князей одуматься, прекратить усобицы и на примере черниговского князя Давыда Святославича рисует образ идеального православного правителя, умеющего жить в мире и любви, творящего добро, оберегающего своих близких и свою землю, держащего свое слово, и потому «въ велице тишине бысть княжение его» [14, с. 228]. Нужно отметить, что в данном тексте впервые в русской духовно-политической мысли появляется понятие «тишины» как результата идеального правления, то есть «тишина» – своеобразный социально-политический идеал.

В XIII–XIV веках, во времена «ордынского плена», в духовно-политических памятниках учительного жанра появляются новые образы – *князья-мученики* и *князья-спасители*, которые представляли некие образцы поведения, в том числе политического поведения, как для современников, так и для потомков (Житие князя Александра Невского, «Сказание о князе Михаиле Черниговском и боярине его Феодоре», «Похвала рязанским князьям», «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», «Сказание о Довмонте» и др.). При этом Русская церковь, причисляя к лику святых и тех, и других князей, показывала своей пастве, что оба возможных пути – верные, ибо и один, и другой ведут по дороге святости. Но выбор остается за самим человеком в каждой конкретной исторической ситуации.

В XV–XVII веках образ правителя Русского государства воспринимается еще более возвышенно – как *«браздодержателя Святой Руси»*, следовательно, и ответственность государя возрастает стократно, и об этом ему напоминают в учительных текстах. Начало тому положил в 1480 году архиепископ Вассиан Ростовский в знаменитом «Послании на Угру» к великому князю Ивану III Васильевичу. Московского великого князя Вассиан Ростовский *впервые официально именует царем*. До того времени этот титул по отношению к русским землям могли носить или византийские императоры, или ордынские ханы. Любые же попытки титуловать московских князей «царями» воспринимались, особенно в Орде, как политическое преступление, следствием которого должно быть жестокое наказание. Так, некоторые источники свидетельствуют, что темник Мамай в 1380 году обрушился с походом на Русь в том числе и потому, что московского великого князя Дмитрия Ивановича иногда стали называть царем. Но в конце XV века ситуация в корне изменилась. В 1453 году погибла Византийская империя, да и Орда уже не представляла единой силы. Титул царя «освободился». И вот архиепископ Вассиан Ростовский в этом новом титуловании московского государя, во-первых, подчеркивает особую историческую значимость как самого предстоящего события – возможного военного столкновения с ордой хана Ахмата, – так и последствий этого столкновения, ведь победа над ордой означала не только обретение Русью государственной независимости, но и перспективу будущего развития Московской Руси – *превращение Московского великого княжества в Российское царство*. Поэтому, во-вторых, владыка Вассиан фактически ставит перед московским правителем и новую государственно-политическую цель – *русский государь должен принять царский титул и стать духовно-политическим наследником византийских императоров*. Идея, выдвинутая архиепископом Вассианом, стала популярна в Московской Руси в конце XV века. И хотя Иван III официально так и не принял царского титула, но в некоторых документах его уже официально стали именовать царем.

Архиепископ Вассиан в своем Послании раскрывает перед великим князем и духовно-политическую сущность царской власти – *истинный православный государь должен быть в первую очередь защитником веры*. В Послании несколько раз повторяется один и тот же тезис: московский государь – это прежде всего «воин Христов», защитник истинной веры, такой же, какими защитниками православия всеми православными христианами считались византийские императоры. И архиепископ Вассиан напоминает Ивану III *смысл духовного подвига*: истинный христианин не должен бояться физической смерти, тем более если смерть настигнет его в битве за родную землю. Воина, погибшего в бою за Отечество, по глубокому убеждению православных людей, Господь простит за земные грехи и подарит ему вечную жизнь в Царствии Небесном рядом с великими святыми праведниками [2, с. 386–399].

В XVI веке о смысле царского служения размышляли в своих посланиях преподобные Иосиф Волоцкий, Максим Грек, Ермолай-Еразм, патриарх Иов.

При этом они нередко спорят – очно и заочно – и между собой, и с различными светскими мыслителями. Но именно в этих спорах духовных учителей постепенно кристаллизуется русское учение о самодержавной власти.

Для простого люда учительной книгой стал «Домострой», составленный священником Сильвестром в середине XVI столетия. Собрав плоды народной мудрости и практических правил жизни, накопленных русским православным народом за многие столетия, Сильвестр создал жизненное руководство для каждого православного человека, для каждой православной семьи. Недаром в самом начале читателям совершенно определенно предлагается жить и поступать именно так, как написано в этой книге, ибо она создана «на память и на взраумление» им самим и их детям [16, с. 368–438].

Залогом и основой благоустройства семьи, дома, а значит, и всего государства, по убеждению Сильвестра, является духовное устройство человека – мужчины, женщины, ребенка, старца. Но обычному человеку, православному мирянину, отягощенному в обыденной жизни многообразными и тяжелыми заботами о семье, детях, о хлебе насущном, непросто соблюдать духовную и нравственную чистоту. «Домострой» же для того и составлен, чтобы помочь всякому православному человеку не только сохранить, но и взрастить свои духовные качества среди всех этих забот и каждодневных обуз. Но в «Домострое» не забыты и политические предпочтения читателей. В книге утверждались глубокая вера в Бога, любовь и уважение к русскому государю. Знаменательно, и это было отмечено исследователями, что в «Домострое» слово «государь» одновременно используется в отношении и к государственному, и к семейному владыке, причем без различия их функций. Таким образом, «Домострой» в его «сильвестровской» редакции на примере семейных отношений создает модель всего государственного организма, увенчанного самодержавной властью «государя» и сложными отношениями к нему со стороны других членов «дома», основанными не только на силе, но еще и на законе, и на чувстве долга. Поэтому можно согласиться с тем мнением, что «Домострой» «в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство – Церковь – семья, с ведущим для такой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза... в полном соблюдении принципа власти на всех социальных уровнях реформаторы XVI в. видели смысл своих государственных реформ и прочность государственной жизни» [5, с. 582]. В итоге на страницах «Домостроя» в очень яркой форме представлен общественный и нравственный идеал русского общества, русской семьи и русского человека.

XVIII столетие принесло новые идейные и политические веяния, которые потребовали духовного осмысления. Учительная литература в этот период вновь противоречива. С одной стороны, «восходит звезда» архиепископа Новгородского и вице-президента Святейшего Синода Феофана Прокоповича, ставшего главным государственным идеологом не только петровского времени, а фактически всего XVIII века. Именно он предложил новое обоснование идеи и практики абсолютной монархии, истинность которой Прокопович доказывает как рационалистическими методами и ссылками на научные авторитеты, так и традиционными богословскими обоснованиями и ссылками, прежде всего на авторитет Священного Писания и сочинения Отцов Церкви. Сам термин «самодержавие» Прокопович стал употреблять в смысле неограниченной власти императора. Его прежнее содержание, означавшее суверенность и независимость государства, утратилось, и отныне данный термин стал обозначать только верховную, неограниченную власть. В таком именно значении он употреблялся и употребляется в XIX, XX и XXI веках.

Одновременно сохраняются и развиваются традиционные православные представления о сущности власти и образе правителя. За сохранение традици-

онной религиозности и церковной дисциплины жестко боролся святитель Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский, тяжело пострадавший за свои убеждения (его расстригли и под именем Андрея Вралья отправили на вечное содержание в тюрьму г. Ревеля, где он и умер). Но его послания в защиту Церкви навсегда закрепились в «соборной мудрости» учительной литературы [17, с. 649–676]. Высочайшим духовным авторитетом в XVIII столетии пользовался святитель Тихон Задонский, прославившийся как выдающийся проповедник и писатель. В своей знаменитой книге «Об истинном христианстве» он целый раздел посвятил рассуждениям о сущности власти с христианской точки зрения [13]. Знаменательной была деятельность и творчество преподобного Паисия Величковского, составившего свод под названием «Добротолюбие», который получил самую широкую известность и стал одним из наиболее излюбленных чтений в славянском православном мире.

В XIX веке предшествующую традицию подхватили и развили многие иные пастыри, а первым среди них следует считать, наверное, митрополита Московского Филарета (Дроздова), автора множества учительных сочинений. Святитель Филарет твердо стоял за чистоту православной веры, часто не разделял намерения правительства распространить в обществе европейские принципы веротерпимости, отказывался от потворства светским обычаям, заведенным со времен Петра I и противным духу Русской церкви. Митрополит Филарет принимал активное участие в политической жизни страны. Как известно, именно он, по поручению императора Александра I, составил тайный Манифест о передаче прав на престол от великого князя Константина Павловича, отказавшегося его наследовать, к великому князю Николаю Павловичу. Филарет исполнил поручение государя и по воле последнего хранил подлинник акта в Успенском соборе в Москве. После кончины Александра I он обнародовал завещание покойного императора, развеяв всякие сомнения в законности власти государя Николая I. В феврале 1861 года именно святитель Филарет написал проект Манифеста об отмене крепостного права, утвержденный императором Александром II и опубликованный 19 февраля 1861 года с небольшими изменениями. В 1863 году святитель высказывался за сохранение единства России, за подавление мятежа в Царстве Польском и западных губерниях, осуждал нерешительность. По мнению некоторых исследователей, «у Филарета была своя государственная теория, теория священного царства. Но она совсем не совпадала с официальной и официозной доктриной государственного суверенитета...». Более того, утверждает, что «филаретовский образ мыслей был вполне далек и чужд государственным деятелям Николаевского времени. Филарет им казался опасным либералом» [15, с. 203]. Впрочем, в николаевские времена даже славянофилы кому-то казались либералами, а то и социалистами...

Духовные пастыри постоянно напоминали светским правителям, что государство может благоденствовать только когда в нем царит истинная христианская справедливость («Христова правда»), а сами правители являют неподдельную милость к подданным. В этом отношении характерно наставление тверского епископа Семена (XIII век), сказанное одному из князей. Этот короткий, но яркий текст стоит привести полностью, ибо звучит он, несмотря на более чем семисотлетнюю отдаленность, крайне современно: «Полоцкий князь Константин, прозванный Безруким, собираясь укорить у себя на пиру за что-то своего тиуна, сказал при всех епископу: “Владыко, где будет тиун на том свете?” Епископ Семен отвечал: “Где и князь!” Князь же, рассердившись, говорит епископу: “Тиун неправедно судит, взятки берет, имущество людей с торгов продает, мучит, злое все делает, а я тут при чем?” И говорит епископ: “Если князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду любит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, ис-

полненного страха Божия, разумного, праведного, творящего все по законам Божиим и судить умеющего. Тогда князь – в рай, и тиун – в рай. Если же князь лишен страха Божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, Бога не боящегося, закона Божия не знающего, судить не умеющего, – только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустить на людей, вручив ему меч, – так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь – в ад, и тиун с ним – в ад!» [7, с. 394, перевод Д.С. Лихачева].

С подобными словами обращались к царям, князьям и боярам и другие духовные мыслители – преподобные Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, праведный Иоанн Кронштадтский, многие епископы и митрополиты. А некоторые давали развернутые советы по благоустройству государства, как, например, крупнейший церковный писатель XVI века Ермолай, «во иноцех Еразм». В сочинении «Правительница» (или «Благохотящим царем правительница»), которое было направлено царю Ивану IV Васильевичу, Ермолай «прегрешный» (как он сам себя называл) предложил полновесный проект реформирования Русского государства на православных основах: опора на христианские идеалы любви и милосердия; необходимое участие всех сословий в благоустройстве общества; сильная царская власть, ответственная за подданных «до последних» перед Богом; реформа податного обложения и переустройство поземельного обеспечения военной службы; забота о земледельцах. Даже нормы взимания налогов Ермолай-Еразм обосновывал примерами из Священного Писания! Ссылаясь на авторитет библейского героя Иосифа, сына Иакова, который, став фактическим правителем Египта, во время голода ввел налог в виде пятой части всего урожая (Быт. 47:24–26), Ермолай-Еразм предлагает царю заменить все подати крестьян (в том числе и денежные) одним натуральным налогом – пятой частью урожая. Нужно отметить, что «прегрешный» Ермолай был, наверное, единственным в ту эпоху мыслителем, который именно в русских крестьянах видел основу благосостояния Российского государства и потому столь искренне стремился улучшить их положение [3, с 74–485].

И конечно, важнейшая тема, над которой размышляли церковные пастыри на протяжении всей отечественной истории, – тема России [см. более подробно: 1, 8–11, 18, 19]. Эта тема, напрямую и глубоко связанная с православной эсхатологией, была *главной историософской проблемой* в русской учительной и духовно-политической литературе.

Тема России на протяжении всей русской истории развивалась в направлении освоения и углубления библейской традиции, когда смысловые и целевые установки существования России формулировались по аналогии с библейскими сюжетами и символами, ибо именно в Священном Писании как в собрании абсолютных истин русская духовно-политическая мысль искала ответы на свои вопросы. Тема России возникла уже в первом отечественном духовно-политическом сочинении – в «Слове о Законе и Благодати», написанном киевским митрополитом Иларионом в середине XI века. Здесь Русь осмысливалась в контексте идеологием и символики Нового Завета как освященная Христовой Благодатью. Значительный толчок к углублению библейских аналогий дало монголо-татарское иго. Тогда впервые формулируется *идея гибели Руси* и одновременно отыскиваются пути *спасения Руси* на основе православного самосовершенствования.

В дальнейшем, особенно в XV–XVI веках, размышления о России и русском народе приводят отечественных мыслителей к созданию оригинальных религиозно-мистических теорий народа-богоносца, народа-мессии («Послание на Угру» архиепископа Вассиана Ростовского, «Сказание о князьях

Владимирских», послания старца Филофея, Великие Четьи Минеи, «Степенная книга царского родословия» и др.). В рамках этих теорий русский народ осмысливался как избранный Самим Богом для исполнения на Земле Его Божественного замысла. Избранность русского народа состояла в том, что он должен, обязан Богом нести особую духовную миссию для мира, помочь всему остальному миру достичь духовного совершенства; своей жизнью, а если понадобится – и смертью, доказать миру возможность достижения нового духовного состояния. Основу этим теориям составляет уже ветхозаветная традиция. Так и возникают символические идеалы-образы, которым должна соответствовать Россия: «Москва – Новый Царьград», «Третий Рим», «Новый Израиль», «Новый Иерусалим» и «Новый Сион». Тогда же складывается и идеал-образ «Святая Русь». Эти историософские символы и образы приобретали в общественном сознании значение целевых и смысловых установок, ибо указывали путь Русскому государству и всему русскому народу к спасению.

Основные черты политической идеологии русского самодержавия, разработанные в духовно-политической и учительной литературе XVI–XVII веков, сохранялись в Российской империи и в XVIII – начале XX века. И сегодня они оказывают значимое влияние на общественное сознание наших современников. А хранителями великих духовных смыслов России вновь стали духовные пастыри и подвижники. В их трудах и подвигах русских святых продолжается та духовно-политическая учительная традиция, подаренная нашему народу больше тысячи лет назад святым равноапостольным князем Владимиром и... неизвестным нам по имени греком-философом, который 1030 лет назад всего лишь «нача глаголати сице»...

Литература

- Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Волошин А.И., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М., 2013. С. 341–357.
- Вассиан Ростовский. Послание на Угру // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 2005. Т. 7.
- Ермолай-Еразм. «Правительница» («Благохотящим царем правительница») // БЛДР. СПб., 2000. Т. 9.
- Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 1997.
- Колесов В.В. Комментарий к «Домострою» // БЛДР. СПб., 2000. Т. 10.
- Львов А.С. Исследование Речи Философа // Памятники древнерусской письменности. М., 1968.
- Наставление тверского епископа Семена // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5.
- Перевезенцев С.В. Духовно-политическая концепция царя Ивана IV Васильевича Грозного // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 4. С. 88–97.
- Перевезенцев С.В. Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII вв. М., 2015.
- Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015.
- Перевезенцев С.В. «Слово о погибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 2. С. 39–45.
- Повесть временных лет // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1.
- Святитель Тихон Задонский. Об истинном христианстве. Кн. 2 // Святитель Тихон Задонский. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М., 2008.
- Слово о князьях // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4.
- Флоровский Г.В., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.
- Хранители России: Антология / Под ред. С.В. Перевезенцева; авт.-сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. М., 2015. Т. 1: Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв.
- Хранители России: Антология / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева; авт.-сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, .Б. Страхов, Д.А. Ананьев. М., 2015. Т. 2: В поисках нового... консерватизма.

18. *Шириняц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

19. *Шириняц А.А.* О специфике истории социально-политической мысли России // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. В.В. Шелохаев.* М., 2011. С. 536–546.

Аннотация. Рассматриваются процессы развития православной учительской литературы в русской духовно-политической традиции в XI–XX веках, выделяются основные темы, проблемы, дискуссионные вопросы, которые находились в центре внимания отечественных церковных мыслителей, показана ведущая роль духовных пастырей в определении основных смыслов исторического существования России.

Ключевые слова: учительная литература, русская духовно-политическая мысль, традиционализм, православие.

Sergey Perevezentsev, Ph.D. in History, Professor, Department of Socio-political Doctrines History, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: serp1380@yandex.ru

**«And the Philosopher Began to Speak...»:
*On the Occasion of the 1030th Anniversary of the Didactic Thought in Russia***

Abstract. The article presents the discussion of the Orthodox didactic literature development in Russian spiritual and political tradition in the 11th–20th centuries, and the author singles out the main themes, problems, questions for discussion that were in the spotlight of Russian religious thinkers, shows the leading role of religious pastors in the definition of the basic meanings of the historical existence of Russia.

Keywords: Didactic Literature, Russian Spiritual and Political Thought, Traditionalism, Orthodoxy.